

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-75-144-155>

УДК 821.161.01.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)4

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Ю.А. Ростовцева

г. Москва, Россия

СТРАННИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В СЛАВЯНСКОМ ЖИТИИ АЛЕКСИЯ ЧЕЛОВЕКА БОЖИЯ

Аннотация: Общеизвестно, что преподобный Алексей человек Божий — это выдающийся пример странника в земной юдоли. Между тем, до сих пор не предпринят анализ страннических мотивов в комплексе житийных произведений о святом. Настоящее исследование предлагает первую научную попытку изучения мотивов духовного странничества в литературных памятниках о Человеке Божиим. Автор статьи рассматривает сирийское житие преподобного Алексея, византийский текст, известные до XVII в. славянские обработки и приходит к выводу, что от редакции к редакции, от извода к изводу заметно наращивание страннических мотивов в житийных текстах о святом. В сирийском тексте речь идет об одном путешествии, в византийском — их уже два. При этом каждый последующий книжник стремится подчеркнуть провиденциальность предпринятого святым пространственного перемещения. В результате приобретает сугубую промыслительность самый главный отрезок жизни житийного героя — его пребывание в родном доме: куда, согласно духовным стихам, повелевает Алексею вернуться Сама Богородица.

Ключевые слова: святой Алексей, Человек Божий, странничество, мотив, Житие, редакция, извод.

Информация об авторе: Юлия Александровна Ростовцева — кандидат филологических наук, главный редактор, Православный библейский портал Ekzeget.ru, ул. Рочдельская, д. 14/20, 123100 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3236-199X>

E-mail: rostoyuliya@yandex.ru

Дата поступления статьи: 03.02.2023

Дата одобрения рецензентами: 27.11.2024

Дата публикации: 25.03.2025

Для цитирования: Ростовцева Ю.А. Страннические мотивы в славянском Житии Алексея человека Божия // Вестник славянских культур. 2025. Т. 75. С. 144–155. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-75-144-155>

Сама по себе постановка проблемы о страннических мотивах в агиографической литературе, посвященной Человеку Божьему (в ранних редакциях имя святого не фигурирует) не является новой. Еще в середине 90 г. прошлого века С.А. Ива-

нов отмечал: говоря о странничестве, нельзя не коснуться данного сюжета, невероятно популярного в ранневизантийское время [5, с. 44]. Пятью годами позднее свой взгляд о преподобном Алексие как о «страннике и пришельце на земле» выразил Г.И. Беневич [3, с. 125]. Однако, невзирая на бесспорную связь «Человек Божий — странничество», до сих пор не предпринята попытка всестороннего анализа подобных мотивов в книжных памятниках о святом. В фундаментальном труде В.П. Адриановой-Перетц лишь перечислены основные мотивы произведения [2]; в монографическом исследовании Иванова сделаны краткие наблюдения на основании сравнения сирийского и византийского материала [5, с. 44–45], что также не отражает целостной картины. Именно поэтому анализ страннических мотивов от сирийского текста до версии, предложенной святителем Димитрием Ростовским, представляется актуальной научной задачей.

Агиографическая легенда о Человеке Божии, жившем по преданию во времена римских императоров Аркадия и Гонория (конец IV – начало V вв.), была известна «всем христианским литературам» [8, с. 43]. Изначально она была записана на сирийском языке, после чего была дополнена и переведена на греческий и славянский [7, с. 26]. Первичный сирийский текст, как отмечает В. Райт, сложился под сильным влиянием подвижнического образа жизни епископа Раввулы, который и фигурирует в этой версии жития [9, с. 33]. Неизвестного автора поразили поступки владыки — его отказ от земных благ и в особенности неожиданный уход из дома, его духовное странничество. Прежде чем обратиться к анализу спектра этих мотивов, стоит уточнить историю самого мотива странничества.

Странничество ради любомудрия является древнейшей формой аскезы [12]. Еще Эпиктет (I н. э.) писал, что молодой человек, желающий стать философом, обязан покинуть Родину, друзей и семью [27, с. 203]. Почти одновременно представитель еврейского эллинизма Филон Александрийский (ок. 50 н. э.) отмечал важность странничества, которое позволяет, по крайней мере, на время покинуть Родину и друзей, чтобы отправиться в чужую страну с целью отрыва от привычной жизни [29, р. 138–139]. Позднее уже в рамках христианского аскетического учения Иероним Блаженный (IV н. э.) поучал не надеяться подвизаться в своем Отечестве, ведь и Христос в своем не сотворил знамений, потому как никакой пророк не имеет чести в своем Отечестве (Лк. 4: 24) [26, с. 39]. В VI в. н.э. преподобный Иоанн Синайский создает целое «Слово о странничестве», которое помещает в свою «Лествицу». В этой связи знаменательно, что автор сирийской версии жития не только «повторяет» удивительный поступок епископа Раввулы, но и прибегает к словесным формулам схожим с риторикой прежних и современных ему философов и богословов. «Мы расскажем, — пишет он, — историю о замечательном человеке, если и впредь следует называть его человеком, и если вместо этого не следует называть ангелом того, кто презирал все сладострастия мира» [28, р. 1]. Уклонение от страстей мира — один из синонимов странничества по Иоанну Синайскому, и в ретроспективной проекции многие действия Человека Божия можно объяснить средневековым представлением именно об этой добродетели. Так, восхваляя святого за многие достойные деяния, сирийский агиограф называет в их числе оставление родных и Отечества.

Подобно Аврааму, он с радостью оставил свою семью и свою страну, стремясь в своей ненависти к миру достигнуть [Небесного] Иерусалима» [28, р. 2].

Но именно Авраам — то ветхозаветное лицо, которое прославляется за странничество в труде Иоанна Лествичника:

Никто в такой мере не предавал себя странничеству, как тот Великий, который услышал: «Изыди от земли твоя, и от рода твоего, и от дому отца твоего» (Быт. 12: 1) [25, с. 53].

Далее Человек Божий, подрастая проявляет те качества: «неведомую мудрость», «отречение от тщеславия» и «молчания глубины», за которые преподобный Иоанн чувствует подлинного странника: он гнушается дерзких игр со сверстниками, обескураживает нарочитой серьезностью подосланных матерью обольстительных рабынь, а в день свадьбы и вовсе отправляется со служкой в порт, чтобы навсегда покинуть супругу. При этом перемещение Человека Божия из родного города в место будущего подвига — Эдессу представляет собой провиденциальный акт, так как ему предшествует горячая молитва святого:

«О ты, от кого дары превышают наши просьбы, открой мне свою дверь, в которую я стучусь, и даруй мне в этот час желание моего сердца». И когда он совершал эту молитву, ему был предложен [Небом] корабль, отправляющийся в Сирию [28, р. 3].

«Странничество, — пишет преподобный Лествичник в своем Слове, — невозвратное оставление всего, что в отечестве сопротивляется нам в стремлении к благочестию» [25, с. 46]. Оставив Родину, Человек Божий вместе с тем отрекается от навязанных ему роскоши и супружества. В Эдессе, живя среди храмовых нищих, он непрестанно подвизается в посте и молитве и удостаивается святости, так что после его смерти епископ Раввула с церковным пономарем не обнаруживают тела во гробе: оно восхищено на небо. Так, духовная история о страннике, путешествующем в Небесный Иерусалим, заканчивается отнюдь не духовным, но фактическим перемещением в Горние обители. Пришельческий статус Человека Божия в этом, дольном мире подчеркивается покаянием епископа, который, будучи поражен чудом, дает обет заботиться о странниках:

Упаси меня Бог отныне делать что-либо иное, кроме как заботиться о пришельцах! [28, р. 9].

В византийской версии легенды появляется целый ряд дополнений, связанных с перемещением Человека Божия, которому теперь дано имя — Алексей. Прежде всего, святой попадает в Эдессу не иначе, чем через Лаодикию, упоминание о которой знаменательно. Лаодикия — пространство, отмеченное в Священном Писании. В Апокалипсисе Иоанна Богослова в связи с предостережением о теплохладности говорится об Ангеле Лаодикийской Церкви. Интересно при этом, что в географическом пространстве средневековых текстов родительский дом — это место изобильного и именно «прохладного» жития [6, с. 247]. Боязнь теплохладности ознаменован выбор пути Человеком Божиим, а его лаодикийская молитва связана с просьбой избавления от мирской суеты.

Описывая приход блаженного Алексея в Эдессу, агиограф вводит обстоятельство места:

Там находится нерукотворная икона святого и царственного образа господина нашего Иисуса Христа, которую он дал Авгарю [22, с. 157].

Спас Нерукотворный — это изображение Христа не в славе, но во время Его труднического земного пути. Пути, которому последует крест. Поприщем крестоношения для Алексия становится эдесская Церковь Пресвятой Богородицы, что, разумеется, тоже не случайно. И название имени Христова, и упоминание о Божьей Матери — в контексте житийного текста служат указанием на благоволение Неба святому в его подвигах. Как и в сирийской версии, «византийский» житийный герой проводит дни у церковной паперти в постах и молитвах, и однажды сама Пресвятая является во сне просмонарию и говорит ему:

Введи Человека Божия внутрь храма моего, ибо он достоин царствия небесного [22, с. 158].

После этого молва о жизни святого расходится по всей той земле. Далее следует механически присоединенная к прежнему сирийскому тексту странническая концовка житийной истории. Как истинный пришлец в дольном мире Алексей избирает для жительства места, «лишенные случаев к утешению и тщеславию» [25, с. 53], и покидает Эдессу. Он бежит из города, и, придя в Лаодикию, входит на корабль с целью отправиться в киликийский город Тарс, «ибо там его никто не знал» [22, с. 158]. Но на корабль налетает бурный ветер, и «по смотрению божию» судно заносит в Рим. В одном из изводов легенды, записанной византийским книжником, «небесный» смысл пространственного перемещения Человека Божия в родной город еще отчетливей актуализирован:

К Римской гавани он причалил по незримому мановению Божьему — ведь Он не хотел, чтобы блаженный остался совершенно неизвестен, хоть тот всю жизнь и стремился к безвестности. Воистину Божий человек понял, что не без воли Неба случилось ему возвратиться на Родину [13, р. 86].

Последнее замечание крайне важно, оно указывает на то, что последующие семнадцать лет пребывания Алексия в родительском доме ниспосланы Богом. От святого зависит только одно: принять сложившиеся обстоятельства и разгадать в них потаенный смысл. И преподобный с легкостью разгадывает загадку. «Жив господь бог мой. — говорит он, сойдя на берег, — Никому более я не буду обузой, но приду в дом отца моего, ибо домашние меня не признают» [13]. При этом страннический статус святого и здесь имеет свое значение. Отец преподобного Алексия берет его в дом ради кровных своих, «пребывающих в странствии» [22, с. 158]. Тут же обнаруживает себя и духовное странничество Человека Божия. С наступлением ночи рабы начинают мучить его, посмеиваться, глумиться над ним и бить, но страдалец только воспеваает псалмы Давидовы, продолжая свой скорбный путь в Горний Иерусалим. Прожив семнадцать лет в родном доме, святой Алексей умирает, не забыв оставить после себя «харатью» с описанием всей своей жизни.

В известной статье Ю.М. Лотмана, обращение к которой является традиционным, когда речь заходит о пространственном перемещении героя средневековой литературы, говорится: всякое путешествие в произведениях этого периода приобретало характер паломничества [6, с. 240]. Знакомство с византийской версией Жития Алексия Человека Божия свидетельствует о том, что для агиографии данное наблюдение не является повсеместным. Для странника передвижение в пространстве могло быть обусловлено уходом «от», а не паломничеством «к». Тем более это справедливо для святого, для которого уже не существует оппозиции мирское ó

РЗ	Тр.Р
<p>«Рабе Божий, помилуй мя, убогаго странна, и не дѣи мене въ дворѣ своемъ, да ся насыщаю и азъ съ рабы твоими “от крупиць, падающе съ трапезы” твоя. Богъ же да благословитъ лѣта твоя и да ти подасть царство небесное, и яже имаши на страннѣй земли да благословитъ и да тя насытитъ упѣвания своего». Слышавъ же отецъ его, паче о страннѣхъ тыщнѣхъ бысть въвести въ домъ свой, и рече къ отрокомъ своимъ: «Которыи от васъ служити ему хоцеть? Да аще угодитъ ему, живъ Господь, яко свободнѣхъ будетъ и участке имать възяти въ дому моемъ» [18, с. 248].</p>	<p>«Рабе Б[ож]ии помилуй[й] ма нища и странна, створи мене в дому твоємъ да и азъ насыщюся с рабы твоими ѿ(т) крупиць, падающихъ ѿ(т) трапезы твоея и Б[ог]ь твои да бл[аго](с)в[и]ть лѣта твоя и да управитъ на земли житѣ твое и да ти подасть ц[а]р(с)тво н[е]б[е]с[н]ое. Слышавъ же ѿ(т)[е]ць его яко ѿ(т) странныхъ есть и радъ бы(с)[ть] и повелѣ привести его в домъ свои и рече ко (ѿ)трокомъ своимъ: «Которыи ѿ(т) васъ хоцеть послужити ѿму да аще ѿму у(о)годитъ живъ Г[оспод]ь Б[ог]ь мои яко свободу его и участкѣ имать в дому моемъ» (Житие Алексия Человека Божия // ОР РГБ. Троиц. Ф. 304/І. №9. л. 151).</p>

Помимо прочего, РЗ не только превозносит истинные добродетели Алексия, но и обличает мнимые нравственные достоинства его отца. Тот же, кто по обычаю поставлял третью трапезу для «странников и паломников», тот же, который ради своего страннoлюбия принял под видом странника собственного сына, как гласит РЗ, был с ним «всегда суров». Тр.Р стремится обелить образ Евфимиана и на месте слов: «И бѣ ему суровъ приснѣ» имеет логически необоснованные «бѣ же ѿму ѿ(т)рокъ т[от]ь приятенъ» (Житие Алексия Человека Божия // ОР РГБ. Троиц. Ф. 304/І. №9. Л. 151).

В труде митрополита Макария под 17 марта встречается текст, «хотя и близкій къ ѿбѣимъ разобраннѣмъ выше (славянским. — Ю.Р.) редакціямъ, однако, не совпадающій ни съ одной изъ нихъ» [2, с. 99]. И если в РЗ жития подвиг святого Алексия имеет мученический оттенок, в «макарьевском изводе» [2, с. 103] этот оттенок — апостольский. Так, на будущий подвиг Человек Божий отправляется не в никому не известную Эдессу, а в Эфес, фигурирующий в Деяниях святых апостолов (Деян. 18: 19-21, Деян. 18: 24-26) и в Послании апостола Павла к Ефесянам. Картина дополняется тем обстоятельством, что в Тарсе Киликийском Алексий, оказывается, намерен жить «в ц[е]ркви с[в]я[т]о[г]о Павла» (Житие Алексия Человека Божия // ГИМ. Син. 992. Л. 409). В Четвѣх Минеях есть и еще одно значимое с точки зрения страннической мотивики замечание: преподобный Алексий «ѿ(т) своихъ рабъ ругаемъ, и толико страдавъ яко и ч[е]л[ове]къ невѣжа странникъ» (Житие Алексия Человека Божия // ГИМ. Син. 992. Л. 409). В контексте скорбей замечание о странничестве Алексия более чем значимо. Не случайно именно в таком аспекте обращается к «пришельцам и странникам» святой апостол Петр:

Возлюбленные! прошу вас, как пришельцев и странников, удаляться от плотских похотей, восстающих на душу, и провождать добродетельную жизнь между язычниками, дабы они за то, за что злословят вас, как злодеев, увидя добрые дела ваши, прославили Бога в день посещения (1 Пет. 2: 11-12).

Этим аллюзионным моментом «апостольский текст» в Четвѣх Минеях отнюдь не исчерпывается. Немаловажно и то, что в отличие от византийской, РЗ и Тр.Р, пове-

ствующих о помещении тела святого в церкви святого мученика Вонифатия, макарьевская говорит о похоронах в церкви первоверховного апостола Петра: «с[вя]тѡе же тѣло его ч[е](с)тнѣ и великолѣпнѣ погребѡша въ ц[е]ркви с[вя]т[а]го ап[о](с)[то]ла Петра» (Житие Алексия Человека Божия // ГИМ. Син. 992. Л. 409). «Апостольские» названия храмов фигурируют и в печатном Прологе, начиная с 1660 года [20, л. 98–98 Об.].

Еще один виток в истории славянского жития Алексия Человека Божия — Арсениевский перевод текста, автором которого был монах Агапий Критский. По замечанию В. П. Адриановой-Перетц, «стремясь возможно ближе передать греческий текст, Арсеній переводит слово за словом, не мѣняя даже конструкции своего оригинала. На протяжении всего житія замѣчается лишь нѣсколько незначительныхъ пропусковъ» [2, с. 110]. На этом основании смеем полагать, что страннические мотивы в данном тексте всецело принадлежат греческому писателю.

В житии Алексия Человека Божия в составе Анфологиона тема странничества заявлена в самом предисловии. Рассуждая о Боге, Агапий пишет: «Той насъ призывает днесь во с[вя]щенномъ еч[ан](г)[е]ліи глагола: Аще кто хоцетъ по мнѣ послѣдовати, да ѡ(т)вержется себе и да возметъ кр[е](с)тъ свой и да послѣдуетъ мнѣ» и проч. [16, л. 53 Об.]. Может показаться, что здесь говорится лишь о духовном, умозрительном шествовании, но чуть ниже, распространяя свою мысль, агиограф отмечает:

Понеже оубѡ болшую ползу приѣмлетъ мнѣй раб Хр[и](с)товъ, ѡ(т) болшаго и богатшаго ц[а]рѧ земнаго, подобаше намъ презрѣти всѧ привременна: сіестъ, села, дома, чести, и имѣніе, и послѣдовати вл[а]дыцѣ Хр[и](с)ту [16, л. 54].

Таким образом, провозглашается значимость физического, а не только духовного следования Евангелию.

Создавая образец украшенного жития, Агапий распространяется и на тему духовного странничества — устремленности горѣ своего героя. В действительности, «Алеѣи имаше с[е]р(д)це свое всед[у]шнѡ к н[е]б[е](с)нымъ, и никакѡ мудрствоваше ѡ земныхъ вещехъ, но навсакій день молашеса тайно к тайновѣдцу Б[о]гу, и испущаше аки рѣку слезы, молаша ему да избави(т) его ѡ(т) сѣтей міродержителя, и да просвѣтитъ его творити еже полезнѣе. Сіа оубо г[ла]голаше во всю оуже ноцъ молаша, и в д[е]нь паки хо(ж)даше по ц[е]рква(м) поклоненіа ради» [16, 57 Об.]. Примечательно, что причиной устранения от будущего супружества Агапий видит желание святого сохранить девство. При этом уход от брачных попечений описываются не как уход, а как бегство:

Но ѡ(т)внуръ поучашеса мыслию бѣжати на мѣсто чуждее, да сохрани(т) д[е]в(с)тво свое не тлѣннѡ [16, л. 58].

В научных изысканиях западных ученых еще в середине XX столетия можно было прочитать упреки в адрес Алексия-жениха, Алексия-обручника: причина, побудившая житийного героя презреть брачные узы представлялась безосновательной, почти преступной. Эта идея подразумевается в исследовании французского ученого В. Гаиффе [10, р. 164], и эта же мысль уже отчетливо звучит в статье польского медиевиста А. Гейштора, в которой постулируется:

...он (Алексий. — Ю.Р.) с полным безразличием нарушает сыновнее послушание и презирает брак, санкционированный Церковью...Алексию чуждо человеческое тепло» (с'est avec une indifference totale qu'il enfreint l'obeissance filiale et méprise le mariage sanctionné par l'Eglise... Alexis est étranger à la chaleur humaine») [11, р. 131].

Любопытно заметить, что еще в XVII в. Агапий Критский разрешает эту кажущуюся дилемму. В действительности, покидая невесту преподобный Алексей думал и о духовном возрастании новоиспеченной жены, это видно из прощальных слов, которые агиограф влагает в уста своего героя: «сохрани ѿ (перстень и пояс — Ю.Р.) ѿ опаснаго любезнѣйшаа моа и б[о]гъ да будетъ между нами, *дондеже оустроить бл[а]годать его в насъ нѣчто ино новѣе* (здесь и далее выделено мной. — Ю.Р.)» [16, л. 58]. При этом характерно, что греческий писатель, а вслед за ним древнерусский переводчик характеризуют подвиг Человека Божия именно как странничество: родные плакали о нем, «бл[а]женный же радовашесѧ д[у]шевно, *в странствѣ* прославляѧ г[о](с)[по]да, иже избави его ѿ(т) попеченій житейскихъ, и сохрани его не вѣдома» [16, л. 60 Об.]. Но самая главная заслуга Агапия в описании подвига Человека Божия в земной юдоли относится к моменту пребывания последнего в родном доме. В терзаниях родных Алексей не находил никакого удовлетворения, но напротив, терзался вместе с ними, и только любовь к Богу утешала его на скорбном пути:

И даше ему лукавый всемъ ващую брань. Но воспоминаѧ еѿ[ан]г[е]льскаа вл[а]д[ы]ки нашего словеса: любѧй о[т]ца и м[а]т[е]рь, и прочаа. Полагаше противо плотскѧ любве б[о]ж[е](с)твенное раченіе, и претерпаше распаленіемъ с[е]р[д]ца терпѣливодушный, желаніемъ желанію противлѧсесѧ. Не яко баше к родителемъ немилосердый но наипаче к творцу и сп[а]су послушливый, емуже многажды со слезами молашесѧ, да дасть ему терпѣніе даже до конца [16, л. 64 Об.].

Таким образом, грек Агапий приоткрывает тайну замысла ранневизантийского агиографа. То, в чем С.А. Иванов увидел элемент юродской провокации [5, с. 46], то что С.С. Аверинцев назвал «терзаниями близких» [1, с. 35] есть в действительности равномученический подвиг любви к Богу. Этот довод легко подтверждается житийной мотивикой. В византийском тексте, где и появилось описание этих последующих «провокационных» 17 лет, несколько раз встречается упоминание о святом Вонифатии. Венчается Алексей в храме, освященном в честь этого святого, честные останки Человека Божия также погребаются в церкви святого Вонифатия. Знаменательно в этой связи то, что после своего прославления в Эдессе преподобный Алексей намеревается идти в Тарс Киликийский — город, где принял смерть за Христа его небесный патрон. Это единственный случай в житии, когда интенция перехода из одного места в другое ассоциирована с определенным локусом. Так, имплицитно в текст вводится мотив добровольного мученичества, после чего попадание святого в родительский дом уже не выглядит невероятным. Оно обусловлено житийной логикой — это «превосходнейший путь» (1 кор. 12: 31) самораспятия. Легко выбирать между родными и Богом Последнего, когда ты не видишь первых, другое дело — ежедневно находиться среди родных, и тем не менее стремиться к одному Христу. Надо полагать, что именно данный смысл имплицитным образом хотел подчеркнуть автор византийского текста, когда присоединял к сирийской версии повествование о последующих, «римских» годах святого.

Редакция святителя Димитрия Ростовского, описывая страннический подвиг Алексея, следует за Анфологионом, начиная от передачи речи, сказанной в брачную ночь, и заканчивая обоснованием подвижнических лет, проведенных святым в родном доме, но тем не менее, имеет ряд особенностей. Так, святой агиограф подчеркивает провиденциальность всякого странствия своего героя, а не только его возвращения в Рим. Если составители византийской редакции и славянских редакций (РЗ, Тр.Р) связывают обращение Алексея к Богу с появлением в Лаодикии («Излѣзъ же ис корабля, помолися

Богу»), то в димитровской редакции святой молится, плывя в Лаодикию на корабле. Совершенно закономерно в этой связи, что как только корабль пристает к берегу, Алексей обнаруживает путников, идущих в Эдессу:

Приставшу же кораблю въ Лаодііи изыде Алеґій с[вя]тый на сушу, и ѡбрѣтъ путники градушыа въ Месопотамію, пойде съ ними въ Едесъ градъ Месопотамскій [24, л. 99].

Характерно при этом, что знаком-ответом на молитву святого являются странники, шествующие в город, где хранится нерукотворный образ Спасителя. Однако упоминанием об этом промыслительном перемещении святитель Димитрий не ограничивается: в его версии «Жития» корабль, который затем бурейю морскою прибывает к Риму, на самом деле держал курс в Киликию: «и шедши въ пристанище морское, ѡбрѣте корабль въ Кіликію пловущъ» [24, л. 100]. Отметим, что в византийской и славянских I-й и II-й редакциях о первоначальном корабельном маршруте не упоминается, хотя он и мог подразумеваться. Святитель Димитрий, как кажется, разрешает и ту дилемму, над которой доселе размышляют исследователи «Жития» — это чрезмерная отдаленность Рима от Эдессы [15, р. 506–507]. Согласно димитровской редакции, «носимъ бывъ волнами корабль многіа дни» [24, л. 100]. Оказавшись в Риме, Алексей встречает отца, «во время ѡбѣднее ѡ(т) ц[а]р(с)кіа палаты въ домъ возвращающагоса» [24, л. 100], и обращается к нему с просьбой вселиться в его дом. Здесь святитель Димитрий полностью нивелирует ту «хитрость», к которой прибегает герой византийского текста, прося принять его ради «кровных... пребывающих в странствии» и придает словам преподобного особый символизм. Алексей обнадеживает отца: «и аще имаши кого ѡ(т) своихъ нѣгдѣ странствующаго, здрава его да возвратитъ тебе» [24, л. 100], что тотчас и исполнилось.

В науке сформировалась традиция рассматривать житие Человека Божия вкупе с духовными стихами о нем [2, 17]. В сборнике П. А. Бессонова под заголовком: «Кого берутъ примѣромъ калѣки перехожіе» [4, с. 43] наряду с произведениями об убогом Лазаре представлен целый ряд стихов, посвященных Алексею Человеку Божию. В одном из таких стихов уход будущего святого из дома связан с намереньем молиться за свой род. Обращаясь в первую брачную ночь к жене, Алексей говорит:

Храни ты мои честные дары:
Вотъ тебѣ мои щелковъ поясъ,
Со правой руки золотъ перстень!
Молися ты Господу, трудися,
За Алексѣя Божья чловѣка!
А я пошелъ во иншую землю,
За батюшкинь грѣхъ помолитъся,
За матушкинь грѣхъ потрудитъся! [4, с. 101]

При этом в духовных стихах о Человеке Божии подчеркивается провиденциализм путешествий. Только подвижник выходит из своего богатого дома — «на встрѣчу ему идетъ нищій»; только подходит к синему морю — «становится тутъ на морѣ корабликъ». При этом, глядя на нищего Алексей избирает произвольную нищету, а «буйные вѣтры» приносят его на место подвига, «во Одесъ градъ». Характерно и то, что духовный стих практически редуцирует попытку отправления в Тарс Киликийский (или иное место, куда Алексей хочет отправиться после Эдессы) и вводит эпизод, в котором повеление возвратиться в Рим, в дом отца, исходит от Самой Богородицы:

Речеть Пресвятая Богородица:
...Гряди ты, Алексѣй, во славень Рым градъ!
Отец тебя и матеръ не узнають
И твоя обручная супруга... [4, с. 104]

Стих вносит свои коррективы и в житийный эпизод разговора Евфимиана с убогим странником. То, что в житии свернуто в выражение: «слышавъ же отецъ его, паче о странныхъ тѣщѣнѣ бысть» [18, с. 248] — здесь развернуто в пространный монолог:

Батюшко, славень Ефимьянъ князь!
Мнѣ какъ твоего сына не знати,
Алексѣя, Божьяго, свѣтъ, человѣка!
Въ единой мы палаткѣ съ нимъ пребывали,
Единую хлѣбъ-соль мы съ нимъ воскушали,
Единую одежду мы съ нимъ носили,
Единую мы съ нимъ чару пойла распивали,
Мы вмѣстѣ съ нимъ грамотѣ учились,
Въ единой мы съ нимъ пустынѣ трудились! [4, с. 106]

В данной вариации Алексей прибегает к некоей хитрости, чтобы его ввели в собственный дом. Множество стихов, бытовавших среди калик переходящих, свидетельствует о большой популярности Алексея среди русских странников: для русских пилигримов он был «своя от своих», а потому очень близок их сердцу и горячо любим ими.

Итак, начиная с сирийской версии «Жития» и заканчивая славянскими духовными стихами, можно говорить о своеобразном наращивании страннической мотивики. В сирийском «Житии» Человек Божий предпринимает одно путешествие, в византийской версии текста — их уже два, при этом преподобный имеет интенцию отправиться туда, где мученически пострадал его небесный патрон — святой Вонифатий, что актуализирует мученические мотивы. В более поздних переработках заметна апостольская тема: географические локусы и названия храмов имеют подчеркнута апостольский подтекст. В каждом из упомянутых случаев все пространственные передвижения святого Алексея промыслительны, отмечены особым благоволением Неба. При этом передвигается Человек Божий согласно средневековому представлению о странничестве: удаляясь в места, лишённые случаев к утешению и тщеславию.

Список литературы

Исследования

- 1 *Аверинцев С.С.* От берегов Босфора до берегов Евфрата. М.: Наука, 1987. 360 с.
- 2 *Адрианова В.П.* Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности: дис. ... магистра филол. наук. Пг., 1917. 525 с.
- 3 *Беневич Г.И.* Житие преподобного Алексея, человека Божия (преодоление чуждости в контексте церковного предания) // *Чужое: опыты преодоления.* М.: Алетейа, 1999. С. 95–159.
- 4 *Бессонов П.* Калики переходящие. М.: Тип. А. Семена, 1861. 828 с.
- 5 *Иванов С.А.* Византийское юродство. М.: Международные отношения, 1994. 236 с.
- 6 *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки рус. культуры, 1996. 447 с.

- 7 *Пайкова А.В.* Легенды и сказания в памятниках сирийской агиографии // Палестинский сборник. Л.: Наука, 1990. Вып. 30 (93). 143 с.
- 8 *Пугин А.В.* Поэтика уподобления в русской агиографии: Александр Ошевенский vs Алексей Человек Божий // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19, № 1. С. 39–54.
- 9 *Раїт В.* Краткий очерк истории сирийской литературы. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1902. 294 с.
- 10 *Gaiffier B. de.* Intactam sponsam relinquens: À propos de la vie de St. Alexis // *Anallecta Bollandiana*. 1947. Vol. 65. P. 157–195
- 11 *Gieysztor A.* La légende de saint Alexis en Occident: un idéal de pauvreté // *Études sur l'histoire de la pauvreté*. Sous la direction de Michel Mollat. Paris: Publications de la Sorbonne, 1974, pp. 125–139.
- 12 *Guillaumont A.* Le dépaysement comme forme d'ascèse, dans le monachisme ancien // *Annales de l'École pratique des hautes études*. 1967. Vol. 76. P. 31–58.
- 13 *Halkin F.* Festugière. Dix textes inédits tirés du ménologe imperial de Koutloumous. Genève: Cramer, 1984. 140 p.
- 14 *Massmann H.F.* Sanct Alexius Leben in acht gereimten mittelhochdeutschen Behandlungen. Quedlinburg-Leipzig: G. Basse, 1843. 208 p.
- 15 *Strebbins C.E.* Les origins de la légende de s. Alexis // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1973. Vol. 51. P. 497–507.

Источники

- 16 *Грек Арсений.* Анофологион. М.: Печатный двор, 1660. 313 л.
- 17 *Дашков Д.* Стихи и сказания про Алексея Божия человека // *Беседы в Обществе любителей русской словесности*. М.: Университет. тип. (Катков и К°), 1868. Вып. 2. С. 22–43.
- 18 *Житие Алексия Человека Божия* // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. II. С. 245–253.
- 19 *Житие Алексия Человека Божия* // Пролог. Вторая половина (март-август). М.: Печатный двор, 1662. 970 л.
- 20 *Житие и деяния человека Божия Алексия* // *Византийские легенды*. Л.: Наука, 1972. 303 с.
- 21 *Петрский Феодор (еп.)* Житие и подвиги отца нашего Аввы Феодосия архимандрита всей пустыни, что под Святым градом Христа Бога нашего // Палестинский патерик. СПб.: Изд-е имп. православного палестинского об-ва, 1895. Вып. 8. 94 с.
- 22 *Ростовский Димитрий (свт.)* Житие Алексия Человека Божия // *Жития святых*. Киев: Изд-во Киево-Печерской Лавры, 1764. Кн. III. 531 л.
- 23 *Синайский И.* Лествица. М.: Сибирская благовонница. 2011. 576 с.
- 24 *Стридонский И.* Творения блаженного Иеронима Стридонского. Киев.: [б. и.], 1863. Т. I. 224 с.
- 25 *Эпиктет.* Беседы. М.: Ладомир, [б. г.]. Кн. 3. 24. 312 с.
- 26 *Amiaud A.* La légende syriaque de Saint Alexis, l'Homme de Dieu. Paris: É. Bouillon, 1889. 204 p.
- 27 *Philo Alexandrinus* De specialibus legibus. I. 68–69. Cambridge: Harvard University Press; London: Wm. Heinemann, 1950. Vol. 7. 640 p.

Список сокращений

БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси.

БОЛРС — Беседы в Обществе любителей русской словесности.

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки им. В.И. Ленина.

ГИМ — Государственный исторический музей

© 2025. Iuliia A. Rostovtseva

Moscow, Russia

**WANDERING MOTIVES
IN THE SLAVIC LIFE OF ALEXIY THE MAN OF GOD**

Abstract: It is well known that Alexiy the man of God is an outstanding example of a wanderer in the mortal vale. Meanwhile, the analysis of the pilgrim motives in the complex of hagiographic works about the saint has not yet been undertaken. This study offers the first scientific attempt to study the motifs of spiritual pilgrimage in literary monuments about the Man of God. The author of the article examines the Syriac life of St. Alexy, the Byzantine text, Slavic treatments known before the 17th century and comes to the conclusion that from edition to edition, from version to version there is a noticeable increase in wanderer motifs in the hagiographic texts about the saint. In the Syriac text we are talking about one journey, in the Byzantine — there are already two. At the same time, each subsequent scribe seeks to emphasize the providence of the spatial movement undertaken by the saint. As a result, the most important segment of the life of the hagiographic protagonist acquires a special providence — his stay in his native home: where, according to spiritual verses, the Mother of God Herself commands Alexiy to return.

Keywords: Saint Alexy, Man of God, Pilgrimage, Motif, Life, Editorial, Izvod.

Information about author: Iuliia A. Rostovtseva — PhD in Philology, Editor-in-chief, Orthodox Bible Portal Ekzeget.ru, Rochdelskaya St., 14/20, 123 100 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3236-199X>

E-mail: rostoyuliya@yandex.ru

Received: February 03, 2023

Approved after reviewing: November 27, 2024

Date of publication: March 25, 2025

For citation: Rostovtseva, Iu.A. “Wandering Motifs in the Slavic Life of Alexiy the Man of God.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 75, 2025, pp. 144–155. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-75-143-155>

References

- 1 Averintsev, S.S. *Ot beregov Bosfora do beregov Evfrata* [From the Shores of the Bosphorus to the shores of the Euphrates]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 360 p. (In Russ.)
- 2 Adrianova, V.P. *Zhitie Alekseia cheloveka Bozhiia v drevnei russkoi literature i narodnoi slovesnosti* [The Life of Alexiy the Man of God in Old Russian Literature and Folk Literature: Master Dissertation Thesis]. Petrograd, 1917. 525 p. (In Russ.)

- 3 Benevich, G.I. “Zhitie prepodobnogo Aleksiiia, cheloveka Bozhiiia (preodolenie chuzhdosti v kontekste tserkovnogo predaniia)” [“The Life of St. Alexiy, the Man of God (Overcoming Alienness in the Context of Church Tradition)”]. *Chuzhoe: opyty preodoleniia* [*Alien: Experiences of Overcoming*]. Moscow, Aleteia Publ., 1999, pp. 95–159. (In Russ.)
- 4 Bessonov, P. *Kaliki perekhozhie* [*Kaliki the Wanderers*]. Moscow, Semena Publ., 1861. 828 p. (In Russ.)
- 5 Ivanov, S.A. *Vizantiiskoe iurodstvo* [*Byzantine Foolishness*]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1994. 236 p. (In Russ.)
- 6 Lotman, Iu.M. Vnutri mysliazhchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriia [Inside the Thinking Worlds. Man — Text — Semiosphere — History]. Moscow, Iazyki rusckoi kul'tury Publ., 1996. 447 p. (In Russ.)
- 7 Paikova, A.V. “Legendy i skazaniia v pamiatnikakh siriiskoi agiografii” [“Legends and Tales in the Monuments of Syrian Hagiography”]. *Palestinskii sbornik* [*Palestinian Collection*], vol. 30 (93). Leningrad, Nauka Publ., 1990. 143 p. (In Russ.)
- 8 Pigin, A.V. “Poetika upodobleniia v russkoi agiografii: Aleksandr Oshevskii vs Aleksei Chelovek Bozhii” [“Poetics of Likeness in Russian Hagiography: Alexander Oshevsky vs Alexiy The Man of God”]. *Problemy istoricheskoi poetiki* [*Problems of Historical Poetics*], vol. 19, no. 1, 2021, pp. 39–54. (In Russ.)
- 9 Rait, V. *Kratkii ocherk istorii siriiskoi literatury* [*A Brief Sketch of the History of Syrian Literature*]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1902. 294 p. (In Russ.)
- 10 Gaiffier, (de) Baudouin “Intactam sponsam relinquens: À propos de la vie de St. Alexis.” *Anallecta Bollandiana*, vol. 65, 1947, pp. 157–195 (In French)
- 11 Gieysztor, Aleksander “La légende de saint Alexis en Occident: un idéal de pauvreté.” *Études sur l'histoire de la pauvreté. Sous la direction de Michel Mollat*. Paris, Publ. de la Sorbonne, 1974. pp. 125–139. (In French)
- 12 Guillaumont, Antoine “Le dépaysement comme forme d'ascèse, dans le monachisme ancien.” *Annales de l'École pratique des hautes études*, vol. 76, 1967, p. 31–58. (In French)
- 13 Halkin, François “Festugière.” *Dix textes inédits tirés du ménologe imperial de Koutloumous*. Genève, Cramer Publ., 1984. 140 p. (In French)
- 14 Massmann, Hans Ferdinand *Sanct Alexius Leben in acht gereimten mittelhochdeutschen Behandlungen*. Quedlinburg-Leipzig, G. Basse Publ., 1843. 208 p. (In Latin)
- 15 Strebbins, Charles “Les origines de la légende de s. Alexis.” *Revue belge de philologie et d'histoire*, vol. 51, 1973, pp. 497–507. (In French)